

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.042-051

А. Л. ОсиповМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве

Резюме. В статье исследуются актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации в уголовном судопроизводстве с акцентом на видео-конференц-связь (ВКС). Анализируется российская модель нормативного регулирования, которая, несмотря на соответствие международным стандартам, отличается недостаточной системностью. Отмечается отсутствие единого перечня судебных процедур, где допустимо применение ВКС, что создает пробелы в регулировании некоторых судебно-контрольных процедур (ст. 125 УПК РФ). Новизна исследования обусловлена использованием факторного анализа для объяснения правовой сущности и темпов внедрения телекоммуникационных технологий в уголовное судопроизводство, определением специфических черт национальной модели регулирования данных отношений, введением в научный оборот актуализированных положений зарубежного законодательства и российской судебной практики. Ключевые выводы содержат критику широкой дискреции судов при решении вопросов удаленного участия подсудимых, особенно уязвимых категорий (несовершеннолетние, лица с психическими заболеваниями), и отсутствия детализированных гарантий для потерпевших и свидетелей. Подчеркивается необходимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для унификации судебной практики. Практическая значимость работы заключается в выявлении проблем технического и правового характера, таких как недостаточная мотивировка судебных решений о применении ВКС, а также риски искажения информации из-за технических ограничений и сбоев. Автор предлагает меры по совершенствованию регулирования, включая введение единых процедурных гарантий и уточнение способов обеспечения конфиденциальности для участников процесса.

Ключевые слова: цифровые технологии; дистанционная коммуникация; уголовное судопроизводство; видео-конференц-связь (ВКС); судебные процедуры; подсудимый; гарантии

Для цитирования: Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 42–51. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.042-051

Current Issues in the Application of Digital Technologies in Communication with the Court in Criminal Proceedings

Artem L. OsipovKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the current issues related to the application of digital technologies for remote communication in criminal proceedings, with a particular focus on video conferencing (VC). It analyzes the Russian model of regulatory framework that, despite its compliance with international standards, lacks systemic coherence. The paper highlights the lack of a unified list of judicial procedures where the use of VC is permissible, creating gaps in the regulation of certain judicial review procedures (Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The novelty of this research lies in the application of factor analysis to elucidate the

© Осипов А. Л., 2025

legal essence and pace of telecommunications technologies' integration into criminal proceedings, as well as to identify specific characteristics of the national regulatory model governing these relations. Additionally, the paper introduces updated provisions from foreign legislation and Russian jurisprudence into the scholarly discourse. Key findings criticize the broad discretion afforded to courts in addressing issues of remote participation for defendants, particularly those belonging to vulnerable categories (minors, individuals with mental health conditions), and the absence of detailed guarantees for victims and witnesses. The author emphasizes the necessity for clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation to unify judicial practices. The practical significance of this work lies in the identification of technical and legal challenges, such as insufficient reasoning in judicial decisions regarding the use of VC, as well as the risks of information distortion due to technical limitations and failures. The author proposes measures to enhance regulation, including introduction of uniform procedural guarantees and clarification of confidentiality measures for participants in the process.

Keywords: digital technologies; remote communication; criminal proceedings; video conferencing; judicial procedures; defendant; guarantees

Cite as: Osipov AL. Current Issues in the Application of Digital Technologies in Communication with the Court in Criminal Proceedings. *Lex russica*. 2025;78(8):42-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.042-051

Введение

Вопросы применения аудиовизуальных технологий в уголовном судопроизводстве остаются одними из злободневных. Перечень сфер их применения расширяется год от года в ответ на современные тенденции развития информационного общества. Данные тенденции обуславливают необходимость проведения дальнейших исследований вопросов правовой сущности и значения аудиовизуальных средств коммуникации с судом; факторов, которые влияют на темпы внедрения и пределы применения таких технологий; векторов совершенствования релевантных этим технологиям нормативных конструкций с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства и стратегических целей развития Российского государства. В течение последних лет регулярно появляются научные работы, посвященные возможностям расширения использования систем дистанционной коммуникации с судом¹, а также публикации, заостряющие внимание на рисках бесконтрольного применения таких технологий² или ставящие под сомнение их легитимность в контексте представлений об исключительной важности непосредственности восприятия судом лично-

сти участников судебных заседаний³. Вместе с тем данные вопросы не получили достаточного освещения через призму факторов, влияющих на объем и содержание правового регулирования дистанционных коммуникаций в судопроизводстве. Имеются также пробелы в осмыслении современного опыта регулирования режимов применения вышеуказанных цифровых технологий в европейских юрисдикциях, а также в анализе современной правоприменительной практики российских судов. Свой вклад в восполнение данных пробелов призвано внести настоящее исследование.

Основная часть

Сфера уголовного судопроизводства остается одной из наиболее консервативных областей законодательства и правовой практики с точки зрения темпов внедрения и широты распространения цифровых технологий. Наиболее очевидная причина такого вполне оправданного консерватизма заключается в повышенной значимости назначения уголовного судопроизводства, которое согласно ст. 6 УПК РФ призвано защитить общество и личность от наиболее опас-

¹ Брусницын Л. В. О некоторых аспектах оглашения в суде показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (часть 6 статьи 281 УПК РФ) // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 34–41.

² См.: Зайцев О. А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 82–98 ; Азаренок Н. В. Вопросы практической реализации изменений, касающихся использования систем видео-конференц-связи в судебном заседании // Уголовное право. 2023. № 7. С. 62–68 ; Бурилов А. Онлайн-правосудие: опыт, проблемы и перспективы // Юридический справочник руководителя. 2023. № 3. С. 55–58.

³ Васильев О. Л. Способствуют ли новеллы УПК РФ укреплению авторитета судебной власти? // Закон. 2024. № 8. С. 86–91.

ных видов противоправных посягательств на их законные интересы, т.е. от преступлений. Не менее важной остается цель защиты личности от произвола со стороны органов правопорядка, столь наглядно иллюстрированная одиозными примерами массовых репрессий, свойственных в первую очередь тоталитарным режимам власти. В связи с тем, что цифровизацию форматов судебной коммуникации, как и любое иное технологическое новшество, невозможно считать абсолютным благом в силу присущих этим форматам коммуникации ограничений, оправдан крайне осторожный подход законодателя к их регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

По сути, технологии для дистанционной коммуникации с судом являются совокупностью средств и способов, предназначенных для обеспечения опосредованного и удаленного межсубъектного взаимодействия при проведении судебного заседания. Такое взаимодействие остается личным, но утрачивает качество непосредственности. В отличие от заочного производства (*in absentia*) между судом и удаленным участником судебного заседания осуществляется обмен информацией в режиме реального времени, при котором суд и участник в идеале слышат и видят друг друга, воспринимают иных участников судебного заседания, обстановку в зале суда, включая производимые судебные действия по удостоверению личности участников судебного заседания, а также исследованию доказательств. Утрата данной формой коммуникации качества непосредственности выражается в больших или меньших технических помехах при передаче аудио- и видеосигнала, дефиците гарантий конфиденциальности при общении удаленного участника со своим профессиональным юридическим представителем, а также в ограничениях, связанных с оперативным доступом удаленного участника к материалам уголовного дела, а равно невозможности моментального обмена документами между судом и таким участником.

Надо отметить, что российский законодатель, следуя духу и букве международных стандартов в сфере прав человека, в качестве приоритетной рассматривает форму непосредственного участия лица в судебном заседании, в особенности если речь идет о подсудимом. Данный подход последовательно воплощен российским законодателем в регулировании процедур удаленной коммуникации с судом лица, в отношении которого ведется производ-

ство по уголовному делу, как в рамках судебного контроля в досудебном производстве (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), так и при производстве в суде первой инстанции (ст. 241.1 УПК РФ). В рамках регулирования производства на проверочных стадиях уголовного процесса приоритеты становятся менее очевидными, поскольку законодатель вне каких-то специальных условий и защитных оговорок закрепил право судов апелляционной и кассационной инстанций по собственному усмотрению выбирать форму участия в судебном заседании лица, в отношении которого осуществляется проверка обжалованного судебного акта (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ).

Консервативность уголовно-процессуально-го регулирования проявляется также в нормативном допущении применения только одного формата для аудиовизуальной коммуникации с судом — видео-конференц-связи. Менее защищенный формат веб-конференции остается допустимым в иных видах судопроизводства, где его применение дифференцировано в зависимости от степени выраженности рисков, угрожающих законным интересам участников судебного разбирательства.

На фоне сохраняющегося консерватизма заметной новеллой уголовно-процессуального регулирования в свое время стало принятие Федерального закона от 29.12.2022 № 610-ФЗ, которым в текст УПК РФ внесены изменения, направленные на расширение случаев использования формата видео-конференц-связи в судебных заседаниях, в том числе в рамках судебного контроля за избранием и продлением сроков применения меры пресечения в виде заключения под стражу. С момента внедрения этой новеллы значительно выросли статистические показатели применения указанного формата аудиовизуальной коммуникации в судах первой инстанции: в 2023 г. с использованием видео-конференц-связи судами первой инстанции рассмотрено 15 537 дел (в 2022 г. — 10 363), в порядке судебного контроля за законностью избрания меры пресечения в виде заключения под стражу — 3 707 материалов (в 2022 г. — 2 437). Показатели использования видео-конференц-связи в судах апелляционной инстанции относительно стабильны: в 2023 г. этот формат применялся по 165 313 делам (в 2022 г. — по 165 080). В кассационном производстве, напротив, произошло небольшое снижение показателей использования видео-конференц-связи (в 2022 г. — по 30 303 делам

и в 2023 г. — по 25 376)⁴. Указанная статистика отражает практическую востребованность формата удаленной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве, что обуславливает актуальность дальнейших научных исследований данной проблематики. В этой связи важно выявить те факторы, которые определяют специфику существующей на сегодняшний день национальной модели уголовно-процессуального регулирования дистанционной коммуникации в судебных стадиях уголовного судопроизводства. К их числу можно отнести следующие.

1. Предмет и пределы судебного разбирательства. В соответствии с данным фактором можно выявить отраслевую и межотраслевую взаимосвязь между степенью правовой значимости вопроса, подлежащего разрешению судом, и допущением законодателем тех или иных форматов цифровой коммуникации для обмена вербальной информацией по этому вопросу. Если разрешение уголовно-правового спора в уголовном судопроизводстве допускает на сегодняшний день видео-конференц-связь как единственный формат удаленной коммуникации с судом, то в иных видах судопроизводства наряду с видео-конференц-связью применяется и веб-конференция (ст. 153.2 АПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ). Фактор серьезности правовых последствий рассматриваемого судом спора дополняется здесь критерием технической защищенности и надежности рассматриваемых каналов цифровой коммуникации. В иных видах судопроизводства (кроме уголовного) это проявляется также в том, кто вправе выступить инициатором применения того или иного формата дистанционной коммуникации. В гражданском судопроизводстве суд вправе инициировать удаленное участие перечисленных в законе субъектов только по видео-конференц-связи (ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ). В арбитражном судопроизводстве суд вовсе лишен права ставить вопрос о применении цифровых форматов коммуникации (ст. 153.1 и 153.2 АПК РФ). Что касается уголовного судопроизводства, то согласно ст. 241.1 УПК РФ формат видео-конференц-связи может применяться в различных группах случаев: по ходатайству подсудимого и без его согласия. Каждая группа случаев требует оценки технической оснащенности суда, а также соблюдения иных условий,

к числу которых относится и обязательное участие в деле защитника.

2. Техническая оснащенность судебных органов. Темпы оснащения и модернизации программно-аппаратных комплексов судебных органов, а также органов, обеспечивающих принудительное содержание подсудимых под стражей, оказывают очевидное влияние на практическую востребованность и динамику применения цифровых форматов дистанционной коммуникации с судом. Само по себе развитие цифровой среды, готовность к внедрению и использованию системы биометрической аутентификации участников судебных заседаний напрямую влияют на допустимость расширения использования таких технологий в уголовном судопроизводстве, включая применение формата веб-конференции в судебном производстве по уголовным делам.

3. Двойственное значение цифровых средств дистанционной коммуникации для реализации принципов уголовного судопроизводства. Являясь дополнительной гарантией реализации права сторон на личное участие в судебном заседании, а также на соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства, различные форматы дистанционной коммуникации с судом сохраняют скрытые риски утраты всей полноты такой коммуникации из-за технических ограничений программно-аппаратных комплексов, а также внешних сбоев, могущих исказить передачу аудио- и видеосигнала. Речь идет не только о явных технических сбоях, которые могут стать причиной перерыва или отложения судебного заседания, но и о менее заметных препятствиях к передаче всей полноты вербальной и невербальной информации (мимика, жесты, позы участников судебного заседания). Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, принцип независимости суда предполагает создание условий, при которых «ему обеспечиваются свободные от постороннего влияния восприятие и оценка показаний участников уголовного судопроизводства»⁵.

Данная правовая позиция органа конституционного контроля, сформулированная относительно института оглашения свидетельских показаний, имеет универсальное значение для оценки конституционно-правовой состоятельности любых способов опосредованного

⁴ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.04.2025).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О // СПС «КонсультантПлюс».

восприятия судом доказательств, в том числе показаний дистанционных участников судебного заседания. С другой стороны, риски, вызванные недостатком качества аудио- и (или) видеосигналов, могут порождать препятствия для реализации права подсудимого на защиту. Именно эти риски привели к формированию базовых принципов регулирования применения цифровых форматов дистанционной коммуникации в практике международных органов защиты прав человека. Например, Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) исходит из того, что применение таких технологий должно служить одной или нескольким правомерным целям. Речь может идти о предотвращении беспорядков и преступлений⁶; обеспечении безопасности свидетелей и потерпевших; ограничении распространения заболеваемости COVID-19⁷ и других объективных причинах. Принципиальным подходом международного регулирования стало требование о том, чтобы сеансы дистанционной цифровой коммуникации проходили с полным соблюдением права подсудимого на справедливое судебное разбирательство, включая его право видеть, слышать происходящее в зале суда, следить за ходом судебного разбирательства⁸.

Этот подход достаточно полно воспринят Верховным Судом РФ, который в различных обобщениях судебной практики, посвященных особенностям судопроизводства в острый период борьбы с распространением в России вируса COVID-19, отмечал, что обвиняемому и потерпевшему должна быть обеспечена «возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников судебного заседания, задавать им вопросы, быть заслушанными сторонами и судом; право обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь, включая возможность конфиденциального, в отсутствие иных лиц, общения обвиняемого с его защитником (например, с использованием стационарной или сотовой телефонной

связи)»⁹. Рассматриваемый фактор правового регулирования цифровых форматов коммуникации с судом обусловил и запрет на участие подсудимого посредством видео-конференц-связи в суде с участием присяжных заседателей (ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ), где особенно важно обеспечить полноту восприятия вербальных и невербальных сигналов и характеристик доказательств (в том числе показаний подсудимого) присяжными заседателями, которым заранее не известны материалы уголовного дела.

4. *Характер интереса того участника судебного заседания, в отношении которого рассматривается допустимость применения видео-конференц-связи.* И международные стандарты, и российское законодательство предполагают создание системы дополнительных процессуальных гарантий защиты законных интересов подсудимого в том случае, если его участие в судебном заседании обеспечивается посредством видео-конференц-связи. К числу таких гарантий относится запрет на принятие решения о дистанционном участии подсудимого по инициативе суда или ходатайству стороны обвинения без наличия обстоятельств, исключающих возможность непосредственного участия подсудимого в судебном заседании (ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ). Интересы безопасности других участников судебного разбирательства могут оправдать дистанционное участие подсудимого в судебном процессе помимо его воли только по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 2 ст. 241.1 УПК РФ). Специфические гарантии обязательного участия в деле защитника и запрета применения видео-конференц-связи в суде с участием присяжных заседателей касаются только подсудимого ввиду огромной значимости итогов судебного разбирательства для соблюдения его личных законных интересов. Что касается потерпевших и свидетелей, то их интересы на уровне законодательного регулирования применения видео-конференц-связи не получили отдельного,

⁶ Постановление ЕСПЧ от 05.10.2006 по делу «Марселло Виола (Marcello Viola) против Италии» // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.04.2025).

⁷ Решение ЕСПЧ от 28.11.2023 по делу «Алппи (Alppi) против Финляндии» // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.04.2025).

⁸ Постановление ЕСПЧ от 18.12.2018 по делу «Муртазалиева (Murtazaliyeva) против России» // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.04.2025).

⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021) // СПС «Консультант-Плюс».

специфического обеспечения, за исключением общей гарантии разъяснения им их прав в ходе сеанса видео-конференц-связи (ч. 8 ст. 241.1 УПК РФ).

Ситуационно могут проявляться и иные факторы, которые определяют идентичность национальной модели уголовно-процессуального регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий для дистанционной коммуникации с судом. Для того чтобы лучше их усвоить нужно проанализировать некоторые особенности российской модели в сравнении с зарубежными процессуальными аналогами. Прежде всего, стоит отметить недостаточную последовательность российского законодателя в регламентации сфер применения видео-конференц-связи в различных формах судебного производства. В УПК РФ отсутствует норма, которая бы определяла единый перечень видов судебных процедур, в рамках которых допускается применение дистанционной коммуникации с судом. Первоначально возможность использования таких технологий была предусмотрена Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ для апелляционного производства.

Спустя 12 лет эта возможность была предусмотрена для производства в суде первой инстанции (ст. 241.1 УПК РФ), а также для проведения судебных заседаний по вопросам избрания и продления сроков применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 4 ст. 108 УПК РФ)¹⁰. При этом в силу лаконизма ст. 241.1 УПК РФ недостаточно ясным остается вопрос о возможности применения видео-конференц-связи для обеспечения дистанционного участия в иных видах судебного-контрольных процедур в досудебном производстве. Например, статья 125 УПК РФ не содержит специального упоминания о возможности участия в судеб-

ном заседании посредством видео-конференц-связи лица, подавшего жалобу, в том случае, если оно содержится под стражей. Между тем на практике суды, рассматривающие жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, периодически допускают участие таких лиц через видео-конференц-связь¹¹. Законодательные системы многих европейских стран пошли по иному пути в этом вопросе. Например, в ст. 706-71 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики дается исчерпывающий перечень случаев и процедур, в рамках которых возможно применение формата аудиовизуальной коммуникации с судом¹². Сходной нормативной модели придерживается и Великобритания. Так, в ст. 51 Акта уголовного правосудия Великобритании 2003 г. (Criminal Justice Act) приводится закрытый перечень судебных процедур, где допустимо использование формата удаленной коммуникации: предварительное слушание, упрощенные производства, рассмотрение дела по существу, апелляционные слушания и т.п.¹³ Более того, согласно п. 13.7.1 Указаний по уголовной практике (Criminal Practice Directions) содержащиеся под стражей обвиняемые по общему правилу участвуют по видеосвязи во всех судебных заседаниях, предшествующих основному слушанию дела, если иначе не распорядится председательствующий судья¹⁴.

Уголовно-процессуальное законодательство ФРГ в рамках соответствующих положений не обнаруживает подобных перечней, но содержит другие интересные особенности. Например, в ст. 58b, 168e, 233, 248a Уголовно-процессуального кодекса ФРГ упоминается о том, что аудиовизуальная трансляция должна быть *одновременной* для зала суда и того места, где находится лицо, дистанционно участвующее в судебном заседании¹⁵. Многие зарубежные исследователи отмечают потенциальные риски

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 57.

¹¹ Апелляционные постановления Омского областного суда от 22.05.2023 по делу № 22-1633/2023 ; Иркутского областного суда от 07.10.2024 № 22-3117/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики от 08.04.1958 // Официальный портал правовой информации Французской Республики. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154 (дата обращения: 02.04.2025).

¹³ Criminal Justice Act 2003 г. // Официальный портал правовой информации Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 02.04.2025).

¹⁴ Criminal Practice Directions // Официальный портал правовой информации Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (дата обращения: 02.04.2025).

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ // Официальный портал правовой информации ФРГ. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/english_stpo/english_stpo.html (дата обращения: 02.04.2025).

применения опосредованных форм взаимодействия с судом, прежде всего с точки зрения соблюдения прав подсудимого на общую справедливость судебного разбирательства. В этой связи отмечается, что непосредственная личная встреча участников дела делает возможным быстрый обмен данными через множество каналов информации, помимо вербального, включая «физическое и контекстуальное измерение», а также позволяет транслировать смысл информации намеренно и ненамеренно¹⁶. Во время видео-конференц-связи преимущества личного невербального общения во многом сокращаются¹⁷.

Некоторые исследователи отмечают, что ограничения видео-конференц-связи могут негативно влиять на способность судей оценивать достоверность показаний подсудимых¹⁸. Эти положения дают возможность выделить еще одну линию научного анализа института аудиовизуальных коммуникаций с судом — особенности регламентации процедурных аспектов применения таких коммуникаций, важное место среди которых занимает более или менее подробное внедрение всевозможных гарантийных механизмов. Наиболее продуманным здесь выглядит законодательство Великобритании. Согласно ст. 51 Акта уголовного правосудия Великобритании 2003 г. при принятии решения о применении удаленной формы коммуникации суд обязан учесть все обстоятельства дела, включая потребность соответствующего лица в непосредственном присутствии на судебных слушаниях, приемлемость условий для организации видеосвязи в месте нахождения лица, оценку способности такого лица к эффективному участию посредством видеосвязи. Применительно к удаленному допросу свидетеля британский законодатель предписывает суду предварительно оценивать важность показаний свидетеля для предмета судебного разбирательства; вероятность того,

что удаленная форма коммуникации с судом воспрепятствует какой-либо стороне судебного разбирательства эффективно оспорить показания данного свидетеля; организационные мероприятия, которые нужно выполнить для того, чтобы публика, присутствующая в зале, могла следить за ходом судебного разбирательства, в котором используется видеосвязь¹⁹. Российский законодатель не вводит столь детализированного регулирования, оставляя многие вопросы на усмотрение суда, а вопросы чисто технического характера — для ведомственной регламентации²⁰.

Таким образом, национальная модель регулирования применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом соответствует международным стандартам защиты прав человека и развивается в общем русле европейских моделей регулирования данного правового института. Она является менее казуистичной, чем британская модель, но более детальной, чем германская. В ней нет единой статьи, каталогизирующей судебные процедуры, в которых допустима организация дистанционного участия субъектов судебного заседания. Присутствует специфический запрет на дистанционное участие подсудимого посредством видео-конференц-связи в суде с участием присяжных заседателей. Так же как и в других национальных моделях, согласно УПК РФ применение видео-конференц-связи возможно по инициативе как суда, так и сторон судебного разбирательства, а максимальное число гарантий признается только за подсудимым, чей личный интерес в исходе дела играет особую роль.

Применение видео-конференц-связи в российской судебной практике несвободно от некоторых проблем технического и правового характера. Прежде всего, суды не всегда достаточно мотивируют свои решения о необходимости и допустимости удаленного участия подсудимого в судебном заседании. Приоритетность

¹⁶ Hynes J., Gill N., Tomlinson J. In defence of the hearing? Emerging geographies of publicness, materiality, access and communication in court hearings // *Geography Compass*. 2020. No. 14 (9). URL: <https://doi.org/10.1111/gec3.12499>.

¹⁷ Walsh F. M., Walsh E. M. Effective processing or assembly-line justice? The use of teleconferencing in asylum removal hearings // *Georgetown Immigration Law Journal*, 2007. No. 13 (22). P. 259–284.

¹⁸ Landström S., Ask K., Sommar C. The emotional male victim: Effects of presentation mode on judged credibility // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015. No. 56 (1). P. 99–104.

¹⁹ Criminal Justice Act 2003.

²⁰ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // СПС «КонсультантПлюс».

непосредственного участия подсудимого в суде первой инстанции предполагает, что судебные решения, ограничивающие возможность такого участия, должны содержать ссылку не только на правовое основание их вынесения, но и на конкретные фактические обстоятельства, демонстрирующие соблюдение в решении этого вопроса баланса публичных интересов правосудия и личных интересов подсудимого. По одному из дел, отменяя приговор, суд апелляционной инстанции посчитал существенным нарушением УПК РФ то обстоятельство, что суд первой инстанции никак не мотивировал свое решение об обеспечении участия подсудимого посредством видео-конференц-связи (без его согласия на такой формат участия)²¹.

Единообразные и исчерпывающие разъяснения по данному вопросу на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ отсутствуют, и соответствующая судебная практика пока формируется казуистично. Нет в УПК РФ и каких-либо положений, которые бы дифференцировали принятие решения по вопросу об удаленном участии подсудимого в суде первой инстанции по делам о лицах, страдающих психическими заболеваниями, несовершеннолетних, а также об иных категориях уязвимых подсудимых, которые в силу физических или психических особенностей ограничены в способности самостоятельно защищать в суде свои интересы. Думается, что суду в этом вопросе законодателем предоставлена слишком широкая дискреция, которая не компенсирована на сегодняшний день единообразными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Не совсем ясно, каким образом данной категории лиц будет обеспечиваться дополнительная защита их интересов в виде помощи со стороны законных представителей, педагогов и психологов. Вполне оправданно внесение в закон изменений, согласно которым при участии в производстве по делу психолога или педагога вопрос о допустимости дистанционного участия несовершеннолетнего или отстающего в психическом развитии лица решается судом с учетом мнения психолога или педагога.

При рассмотрении судом дел о применении принудительных мер медицинского характера вполне оправданным было бы получение заключения комиссии врачей психиатрического стационара о способности лица самостоятельно защищать свои интересы именно в формате дистанционной коммуникации с судом. Другой тип проблем на практике возникает из-за использования некорректной технологии для коммуникации с судом. В тех случаях, когда участие свидетеля или потерпевшего осуществляется не посредством системы видео-конференц-связи, а через Интернет (в том числе с помощью мобильного приложения), вышестоящие судебные инстанции приходят к выводу о невозможности верной идентификации удаленного участника судебного заседания и, как следствие, о необходимости отмены состоявшихся судебных решений²². В опубликованной практике этот тип нарушения рассматривается вышестоящими судами как существенный, способный влиять на правосудность итогового решения суда. Анализируя жалобы на порядок применения ст. 241.1 УПК РФ в отношении подсудимых, суды вышестоящих инстанций чаще всего следуют пошаговому тесту в виде серии вопросов²³: 1) применялось ли дистанционное участие по ходатайству подсудимого; 2) возражал ли подсудимый против своего участия по видео-конференц-связи, если она применялась по инициативе суда или другой стороны процесса; 3) делал ли подсудимый замечания по качеству трансляции и имеются ли объективные данные о технических неполадках аудио-или видеосигналов; 4) насколько активным был подсудимый в ходе рассмотрения дела. Следует признать данный тест соответствующим международным стандартам, в том числе ранее упоминавшейся практике ЕСПЧ.

Заключение

Приведенные сведения дают основания сделать несколько выводов. В российской системе уголовно-процессуального регулирования

²¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 03.08.2023 по делу № 22-1000/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2024 по делу № 77-2613/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 № 77-4372/2024 ; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2024 № 77-1559/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

применения системы видео-конференц-связи в судебном производстве есть уязвимости, связанные с недостатком системности. В УПК РФ отсутствует единая статья, каталогизирующая случаи и процедуры, в рамках которых допустим указанный формат дистанционной коммуникации с судом. Модель децентрализованной регламентации данных отношений также недостаточно последовательна, так как одни нормы об отдельных судебно-контрольных процедурах содержат сведения о возможности применения в рамках них видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), а другие нет (ст. 125, 165 УПК РФ). При этом основание для подобной дифференциации регулирования не выглядит предсказуемым и разумным, что является ключевыми маркерами правовой определенности. Представляется, что регламентация любых судебно-контрольных процедур должна включать положения о допустимости применения видео-конференц-связи в обстоятельствах,

исключающих личное присутствие заинтересованных лиц в судебном заседании (за исключением ограничений на такую форму участия подсудимого при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей). Также требуется принятие соответствующих разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда РФ, детализирующих перечень процедур, сопровождающих применение видео-конференц-связи в судебном заседании. Например, нуждаются в уточнении способы обеспечения защитнику и подсудимому конфиденциального общения в ходе таких судебных заседаний, а также дополнительные гарантии законных интересов несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими заболеваниями.

Представляется, что решение этих проблем будет способствовать более эффективной защите прав личности при обеспечении баланса ее интересов с публичными интересами уголовного судопроизводства в цифровую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаренок Н. В. Вопросы практической реализации изменений, касающихся использования систем видео-конференц-связи в судебном заседании // *Уголовное право*. 2023. № 7. С. 62–68.
- Брусницын Л. В. О некоторых аспектах оглашения в суде показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (часть 6 статьи 281 УПК РФ) // *Российская юстиция*. 2024. № 9. С. 34–41.
- Бурилов А. Онлайн-правосудие: опыт, проблемы и перспективы // *Юридический справочник руководителя*. 2023. № 3. С. 55–58.
- Васильев О. Л. Способствуют ли новеллы УПК РФ укреплению авторитета судебной власти? // *Закон*. 2024. № 8. С. 86–91.
- Зайцев О. А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // *Журнал российского права*. 2023. № 10. С. 82–98.
- Hynes J., Gill N., Tomlinson J. In defence of the hearing? Emerging geographies of publicness, materiality, access and communication in court hearings // *Geography Compass*. 2020. No. 14 (9).
- Landström S., Ask K., Sommar C. The emotional male victim: Effects of presentation mode on judged credibility // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015. No. 56 (1). P. 99–104.
- Walsh F. M., Walsh E. M. Effective processing or assembly-line justice? The use of teleconferencing in asylum removal hearings // *Georgetown Immigration Law Journal*. 2007. No. 13 (22). P. 259–284.

REFERENCES

- Azarenok NV. Issues of practical implementation of the changes concerning the use of video conferencing systems in court sessions. *Criminal Law*. 2023;7:62-68. (In Russ.).
- Brusnitsyn LV. On some aspects of disclosure of the testimony of minor victims and witnesses in court (part 6 of article 281 of the code of criminal procedure of the Russian Federation). *Rossijskaja justitsija*. 2024;9:34-41. (In Russ.).
- Burilov A. Online Justice: Experience, Challenges, and Prospects. *Legal Handbook for Executives*. 2023;3:55-58. (In Russ.).
- Hynes J, Gill N, Tomlinson J. In defence of the hearing? Emerging geographies of publicness, materiality, access and communication in court hearings. *Geography Compass*. 2020;14(9).

Landström S, Ask K, Sommar C. The emotional male victim: Effects of presentation mode on judged credibility. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015;56(1):99-104.

Vasilyev OL. Do the amendments to the Russian Criminal Procedure Code contribute to the strengthening of the authority of the judiciary? *Zakon*. 2024;8:86-91. (In Russ.).

Walsh FM, Walsh EM. Effective processing or assembly-line justice? The use of teleconferencing in asylum removal hearings. *Georgetown Immigration Law Journal*. 2007;13(22):259-284.

Zaitsev OA. Legal provision of personal safety of the victim in criminal proceedings. *Journal of Russian Law*. 2023;10:82-98. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипов Артем Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mootcourt2017@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem L. Osipov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mootcourt2017@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 09.11.2024.

Revised 22.04.2025.

Accepted 15.06.2025.